

Сердце Запада

Автор:

[Корней Азарофф](#)

Сердце Запада

Корней Азарофф

С момента появления Фокса Дарранта в Юте прошло четыре года. За это время многое в его жизни изменилось. Он прекрасно чувствует себя в роли ранчера и с удовольствием разводит породистых лошадей. Правда, даже при столь мирном занятии навыки меткой стрельбы забывать ему не приходится. Особенно, когда выясняется, что кто-то пытается его убить, а он не понимает кому, когда и где успел перейти дорожку.

Сердце Запада

Корней Азарофф

Фотограф Scott Warman

© Корней Азарофф, 2021

© Scott Warman, фотографии, 2021

ISBN 978-5-0053-2229-6

I

НАД ПРЕРИЕЙ ВИСЕЛА пелена пыли. Как раз над тем местом, где пролегла дорога. Пыль было видно даже без бинокля, но что или кто именно движется по дороге, я сказать затруднялся, потому что обзор мне закрывал покатым холм. Я был уверен только в одном, – это скакали не индейцы. Они в этих вещах намного умнее белых, поэтому и ездят в рассыпную – именно для того, чтобы не было пыли и их не могли опознать.

А вообще в наших краях меня не было почти две недели и о том, что у нас тут творится, я не имел понятия даже самого приблизительного. «Лилией» управлял в мое отсутствие Малыш Фрэнк Фейвор, поэтому я больше, чем просто был уверен, что на ранчо все в ажуре. Сам же я ездил на свадьбу моей кузины, на которую наконец-то одному хорошему парню удалось накинуть лассо. Невеста была восхитительной, жених выглядел счастливым, и свадьба была веселой. На ней гуляли все жители Голд Ривер. Ого-го, событие! Шериф О'Коннелл вышла замуж и не за кого-нибудь, а за своего же помощника. Фу, ну и слава Богу! Теперь мне не придется волноваться за сестренку. Хотя, это с какой стороны посмотреть... Она хоть и стала миссис Рэй Смайли, а характер не изменила и профессию свою тоже бросать не собирается. Рэй, конечно, пытался ее отговорить, но, естественно, безрезультатно. Я не упустил случая по-дружески так у него поинтересоваться, не пожалел ли он, что женился на такой упрямой и своенравной девчонке. Оказалось, что не жалеет. Шэрон же пригрозила мне пальчиком и сказала, что следующая свадьба должна быть моей. Ну да, конечно, держите карман шире.

Так, а что же это за пыль? Я тронул Пожирателя Кактусов, и рыжий взобрался на гребень холма.

По дороге, пролегающей по просторной долине, медленно катили четыре фургона, рядом с которыми ехали два всадника. Я вооружился биноклем и исследовал все до мельчайших подробностей. В фургоны были запряжены мулы, выглядевшие усталыми, да и слой пыли, покрывавший фургоны и верховых, ясно свидетельствовал о том, что люди прибыли издалека. Сам я,

в принципе, выглядел не лучше – такой же пыльный.

Позади фургонов тащились четыре тощие коровы, за которыми присматривал один из всадников. Насколько я понимал обстановку, переселенцы двигались по направлению к городу. Раньше, когда я только появился в этих краях, городок носил неблагоприятное название Бут-Хилл[1 - Так традиционно в городах Дикого Запада назывались кладбища, где хоронили убитых в перестрелках стрелков. Название / Boot Hill – Сапожный Холм/ обязано своим происхождением тому обстоятельству, что похороненные здесь люди умирали, «не сняв сапог»]. Такое название притягивало сюда десятки бандюг с револьверами, да и просто на любителей пострелять оно действовало, как валерьянка на котов. В городе не было шерифа, и поэтому здесь царил полный бардак и беспредел.

Все изменилось с тех пор, как я возник на горизонте. Это звучит достаточно невежливо, но я не хвастаюсь – упаси Господь! – я говорю чистую правду.

Тираническому правлению династии Айелло пришел благополучный конец, жители города получили возможность жить нормальной жизнью, я стал владельцем самого крупного ранчо в округе, горожане выбрали шерифа, а Бут-Хилл переименовали в Дженнифер-таун – в честь погибшей от руки подонка девушки. Впрочем, эту грустную историю вы наверняка слышали. На Западе и так подобные вещи нельзя сохранить в тайне, а убийство девушки особенно...

Шерифом в Дженнифер-тауне хотели сделать меня, потому что у меня был опыт подобной работы, но на голосовании голосов «за» оказалось чуть-чуть меньше, чем голосов «против». Избиратели объяснили это тем, что я, во-первых, отныне и во веки веков владелец ранчо, а, во-вторых, для должности шерифа я убил слишком много народу. Вот так я и не стал шерифом... Но, откровенно говоря, я не расстроился из-за такого поворота событий – у меня и без полицейской работы дел было невпроворот. Перед этим ведь я был просто курьером «Пони-экспресс», а тут... Попал в самую заваруху и с бухты-барахты стал обладателем огромного ранчо. Вот такие дела, не думал – не гадал.

Я снова поднес бинокль к глазам. Ага, точно в город едут. Там они узнают о свободных землях в этом округе и вообще в Юте. А таковых имелось, причем в достаточных количествах.

Значит, шерифом я не стал, но это ничего не изменило, потому что и так, едва в Дженнифер-тауне появился человек со звездой, любителей пострелять в город стало приезжать намного меньше. А те, кто все же прибывали сюда, подчинялись закону. Некоторые, конечно, не хотели слушаться шерифа, и их мне было искренне жаль: они заявляли о себе громко и с претензией, а уходили тихо и без каких-либо претензий вообще – хоронили их на Бут-Хилле очень скромно.

Мы открыли в Дженнифер-тауне школу и построили новую церковь, Уэллс Фарго основал в городе одну из своих дилижансных станций. Город процветал.

Хулиган, мягко покачивая меня в седле, спустился с холма, и я повернул его на юг – в сторону дома. Времени было два часа пополудни, и добравшись до ранчо я надеялся часам к шести. Я засунул бинокль в седельную сумку и пустил мерина рысью. Поправив шляпу, я взглянул на небо, и мне не понравилось то, что я там увидел: над головой собирались, словно овцы в стадо, темные грозовые тучи. Да и ветер вдруг усилился. Короче, все предвещало если не грозу, то хороший ливень это точно.

Тучи вообще, а грозовые в частности обладают способностью фантастически быстро перемещаться. Только они были на горизонте, а через 10 минут они уже над твоей светлой головой. Вот и сейчас оглушительным раскатом бухнул гром, и вмиг потемневшее небо распорол острый зигзаг молнии. Рыжий наострил уши и, нервничая, стал рвать повод.

– Тихо, тихо, малыш.

Я пустил его легким галопом, но удержать его на этом аллюре было очень и очень нелегко, потому что он совершенно очумел от приближающейся грозы и глухого ворчания грома. Ветер трепал рыжую гриву мерина, и длинные пряди разлетались в разные стороны. Единым могучим порывом он сбил черную шляпу с головы, и ее шнурок едва не удушил меня. Я поскорей напялил головной убор обратно – туда, где ему полагалось быть.

В такой ситуации разумней всего было бы найти укрытие и спокойно переждать непогоду. Но, по всей видимости, от того, что я скучал по дому, у меня ум зашел за разум, потому как я даже не подумал о таком варианте. Я как ехал, так и ехал дальше, подчиняясь безумному желанию Карающей Молнии нестись вперед. Безумный мерин, безумный всадник. Два идиота.

За час мы отмахали Бог знает сколько миль. Сначала скакали просто под аккомпанемент раскатов грома, а потом разверзлись хляби небесные, и стало заметно веселей. Капли, сначала мелкие, затем крупные дробно забарабанили по полям шляпы. Промок я за считанные секунды и тут же пожалел, что у меня нет с собой дождевика. Вот так всегда: то жара до одури, то дождь – как снег на голову.

Ливень был как при всемирном потопе, и вот тут я и подумал об укрытии. Но его можно было найти только у ближайших скал, которые виднелись сквозь серую пелену дождя. Однако все оказалось не так просто – я знал, что прежде, чем я достигну скал, мне придется перебраться через небольшую речушку. Однако эта речушка обладала одной весьма неприятной особенностью – она выходила из берегов при малейшем дождичке. Поэтому Хулиган был прав относительно скорости и несся все быстрее. Меня только обдавало брызгами, летевшими из-под его копыт.

При подходах к реке, уровень воды, залившей прерию, повысился, и, едва показалась сама река, я осадил рыжего. Я так и думал – речушка уже успела покинуть свои берега.

С досады выругавшись, я посмотрел по сторонам. Всюду, куда только можно было кинуть взгляд, была вода. Море воды, океан, в который ливень превратил прерию. Горизонт исчез, небо слилось с землей. Такого дождичка в четверг Юта давно не видела. Ах как жаль, что здесь никому в голову не пришло построить Ноев ковчег!

У нас с Пожирателем Кактусов было два выхода – либо остаться на этом берегу и замерзнуть от холода, либо перебраться на другую сторону, найти в скалах пещеру, развести костер... Мысль об огне решила все. Я прищпорил мерина и заставил его спуститься к разлившейся реке. Вся его прыть куда-то моментально исчезла едва мы только зашли поглубже в воду. Он снова стал рвать поводья и дергать мордой, всем своим видом показывая, что у него нет настроения принимать ванну. Тем более, такую грязную.

– Э, нет, дружок. Так не пойдет, – я подталкивал его каблуками, а он нехотя, сопротивляясь, заходил в стремительные воды речушки.

Я знал, что это, в принципе, не река в буквальном смысле этого слова. Она не была глубокой, и в хорошую погоду ее мог переплыть даже полудохлый котенок. Но я пытался сделать то же самое в настолько поганных погодных условиях, какие только можно было придумать. Словно напоминая о них, раздался грохот грома.

Вода дошла Хулигану до брюха, я отдал ему повод, и он, вытянув шею, поплыл. Мы погрузились в грязные мутные волны по самое седло. Можно было слезть с лошади, чтобы облегчить мерину задачу, но я этого не сделал. И вовсе не потому что изверг. Просто я знал, что как только эта рыжая бестия выберется на берег, она тут же умчится в неизвестном направлении. Без меня. А прогулка до «Лилии» на своих двоих под палящим солнцем меня как-то не слишком прельщала.

Несмотря на сносившее нас течение, мы добрались до противоположного берега достаточно быстро. Копыта Карающей Молнии коснулись твердой земли и, вскинув голову, приседая на задние ноги, оскальзываясь, он, фыркая, выбрался из воды. Воспользовавшись данной ему передышкой, он энергично встряхнулся. Мне тоже пришлось потрястись, сидя в седле. Мутная вода струилась с меня и с лошади быстрыми ручейками, но мне было уже абсолютно на все наплевать.

– Сейчас, старина, мы найдем приют, – похлопал я Хулигана по шее, помня совет новомодного писателя Сэмюэля Лэнгхорна Клементса, иначе Марка Твена: «Самый лучший способ приободрить себя – приободрить кого-нибудь». Вокруг, кроме рыжего, больше никого не было, поэтому я решил приободрить именно его.

Повернув его мордой по направлению к скалам, я ткнул Пожирателя Кактусов несильно шпорами, и он поскакал галопом вдоль стены кустов. Скалы были уже совсем близко, когда рыжий вдруг резко отпрыгнул в сторону, захрапел и вскинулся на дыбы. Размытая почва оказалась не слишком подходящим местом для подобных фокусов: копыта заскользили, лошадь тяжело грохнулась на бок и подмяла под себя кусты. Выдернув ноги из стремян, я скатился с мерина в лужу парой мгновений раньше. Я снова оказался в водной стихии, но, почувствовав какой-то укол в запястье, тут же вздернул руку вверх:

– Черт!

Взметнув тучи брызг, Хулиган поднялся на ноги и снова встряхнулся, сбрасывая на меня грязь, но, вопреки моему ожиданию, не понесся прочь, а остался стоять на месте с понуро опущенной головой.

Дождь за пару секунд смыл с моей руки налипший песок, и я увидел на тыльной стороне запястья маленькую ранку, из которой сочилась кровь.

- Это еще что такое?

Чем-то укололся? Порезался жесткой сухой травой? Проткнул камнем? Я встал, подобрал болтавшийся повод и внимательней осмотрел ранку. Все предположения относительно ее появления я сразу же отбросил: это не было ни первое, ни второе и ни третье. На запястье двумя кровоточащими точками проступили следы от укуса. Кому принадлежали зубы, цапнувшие меня, я узнал мгновение спустя. На поверхности воды, разбиваемой каплями дождя, показалось хлыстообразное коричневое тело уплывающей змеи. От ее вида, несмотря на холод ливня, меня бросило в жар.

- О, черт, гремучка...[2 - Гремучая змея.]

Первым делом я выхватил один из «смит-и-вессонов» из кобуры и разнес гадине голову на сотни мелких кусочков. Чтоб она еще какого-нибудь хорошего человека не цапнула. Затем в пустое гнездо механически засунул новый патрон и, вернув револьвер на место, вытащил из кармана «свиную тетиву» - сыромятный ремешок, какие есть у каждого ковбоя. Они нужны на тот случай, если понадобится связывать заваленному теленку ноги. «Тетивой» я с силой перетянул руку чуть повыше запястья - яд не должен распространиться по крови. Но что делать дальше - я не знал... Вспомнилось только, что от укуса гремучки умирают быстро.

Выбора у меня не было, и я - с отчаянием обреченного - решил положиться на крепость собственного организма. А если уж помирать, то, по крайней мере, поближе к дому.

Пошатываясь, я подошел к хулигану, вставил ногу в стремя, но внезапно он опять чего-то испугался, налетел на меня, и я снова оказался в грязной воде. Зажатые в руке поводья задергались, сильно и неистово, однако отпускать рыжего я не собирался. Разжать кулак значило подписать себе смертный

приговор. Впрочем... часом раньше, часом позже?..

Черт, я же даже завещания не успел составить...

Хулиган прекратил дергать повод и протяжно заржал. Поднявшись, я обернулся, и свободная рука опустилась на гладкую рукоятку револьвера. Со стороны реки кто-то шел, ведя верховую и вьючную лошадей в поводу. Но что-то случилось с моими глазами, потому что все вокруг вдруг стало каким-то размытым. При дожде и так мало что можно нормально разглядеть, а тут вообще как будто мне кто-то пальцами ткнул в глаза. С чего бы это?.. А-а, кажется, началось... Действительно, быстро. Ну, дай Бог, недолго мучиться!..

Я прислонился спиной к мерину и захлопал глазами. Ко мне приближался какой-то невысокий парень, укутанный в дождевик.

- Проблемы? - донесся до меня заглушаемый дождем голос.

- Никаких! - ответил я и грохнулся в воду.

II

ЧТО БЫЛО ПОТОМ я узнал от своего неожиданного спасителя. Всю дорогу пока меня, с трудом погруженного на лошадь, везли к скалам, я был без сознания. Потом сквозь беспмятство я чувствовал горячую боль и вроде прикосновение раскаленного железа. Мне мерещился какой-то черт в преисподней, который тыркал в меня вынутыми из огня вилами. Мне хотелось двинуть ему кулаком прямо промеж рог, но у меня почему-то не действовали руки.

Очнувшись, я обнаружил, что, укрытый одеялом, лежу в пещере возле костра. Это было не мое одеяло. Трещал огонь, над которым висел небольшой котелок, пахло кофе... Я тупо осознавал, что мне хорошо и уютно, и что мне больше ничего не надо. Пока.

И то, что я до сих пор жив, я тоже осознал.

В дальнем углу пещеры, фыркая, Пожиратель Кактусов жевал кукурузу. Рядом с ним стояла лошадка незнакомца, которая, по сравнению с рыжим, выглядела почти игрушечной. Это была невысокая пегая кобылка, которая без сомнений родилась в прерии. Ее достаточно обычная для мустанга масть не представляла бы из себя ничего незаурядного, если бы не была столь... необычна. Ее голова, шея и грудь были черными, будто Бог, когда создавал эту лошадь, решил: «Пускай она будет вороной!» Потом что-то заставило его изменить планы, и Всевышний подумал: «Нет, лучше ей быть серой!» И он стал красить кобылку белым цветом. Он сделал белыми ее стройные ноги и туловище. Затем что-то снова повлияло на его решение или у него просто закончилась белая краска, и он вернулся к первоначальному мнению: «Все же быть тебе вороной!» Поэтому большое пятно вокруг хвоста и сам длинный хвост у лошади были черными. Ее живые большие глаза лукаво поблескивали из-под густой челки цвета воронова крыла. Время от времени она, раздувая нежные замшевые ноздри, фыркала, переступала с ноги на ногу и косилась на огонь, поворачивая к нему свою маленькую красивую голову. Весь вид мустанга явно говорил, что кобылка обладает покладистым, но непредсказуемым характером. Даже если и так – она стояла того, ибо была настоящей красавицей прерий.

Вьючная лошадь оказалась рыжей масти и была похожа на мою Карающую Молнию как две капли воды. И, судя по всему, между ними уже успела возникнуть взаимная симпатия, потому что Хулиган очень нежно мордой чесал спинку своей соседке. Не зря говорят, что рыбак рыбака видит издалека.

Все три лошади были расседланы и растерты, что, несомненно, делало честь незнакомцу. О лошадях надо заботиться в первую очередь. Сам не поешь, а лошадь накорми, таков закон. Молодец, парень! А кстати... где он сам?

Я повернул голову и обвел небольшую, но просторную пещеру взглядом. Никого. Странно, куда же он подевался? Я прислушался. На улице все еще шел дождь, однако он стал спокойней, ровней, да и гром стих. А чего я, собственно, ломаю голову? Скоро он сам объявится.

Я слегка шевельнул пальцами руки, и неприятная боль в левом запястье заставила меня вспомнить о недавно усопшей гремучке. Вытащив руку из-под одеяла, я обнаружил, что моя конечность несколько распухла, а также перебинтована и зажата между двумя дощечками. Это еще зачем?

Слух уловил, как у входа в пещеру покатился камешек, и я быстро закрыл глаза, прикинувшись спящим.

Шаги, сопровождаемые звоном шпор... вот замерли... Наверно, смотрит на спасенного им беднягу... А бедняга спит... Сквозь ресницы я наблюдал за ним. Он пришел из-под дождя, все также закутанный с ног до головы в дождевик, который влажно блестел в свете огня. Парень держал в руке винчестер и, судя по тому, как он с ним обращался, был готов пустить изобретение старины Оливера[З - Винтовка названа по имени изобретателя Оливера Ф. Винчестера.] в ход в любую минуту. Я пытался разглядеть его лицо, но мне это не удалось, потому что поля черной широкополой шляпы отбрасывали на него густую тень. Да и в самой пещере было не слишком светло.

Постояв с минуту, парень двинулся в обход костра и прошел совсем близко от моего носа. Перед моими глазами проплыли его блестящие шпоры. Таких красивых шпор до этого момента я никогда не видел. Особенно лежа в пещере с распухшей конечностью. Хотя... Шпоры были тонкой ручной работы, сделанные из серебра. Мастер расписал их затейливыми узорами и прикрепил к каждой по крошечному серебряному колокольчику. Звездочки были странными для ковбойских шпор – лучи заканчивались тупыми закругленными концами. Я зауважал парня еще сильнее – он гуманно, с любовью относился к лошади, на которой ездил, и не хотел раздирать ей бока до крови. Надо бы и мне так сделать.

Подождите... я же уже давно хотел так поступить, но не здесь, не в Юте, а... Черт, я видел эти шпоры раньше, я знаю, кому они принадлежат!..

– Мистер Фокс Даррант, кончай придуриваться, тебе никогда это хорошо не удавалось, – прозвучал спокойный девичий голос.

Я открыл глаза – представление далее не имело смысла, – и широко улыбнулся.

– Будь я проклят, если ты не появилась вовремя, мисс Рамона Симаррон.

– Вот видишь, и я на что-то сгодились, – улыбнулась она в ответ.

Она скинула мокрый дождевик, предварительно прислонив винчестер к скале, и сняла шляпу, из-под которой упали доходящие девушке до плеча русые

волосы.

– Как самочувствие?

– Пока жив, – искренне удивленный, сообщил я. – Меня цапнула гремучка... – я принял сидячее положение. – Но я почему-то до сих пор не сыграл в ящик...

– Разочарован? – девушка глянула на меня через плечо.

– Абсолютно нет! Правда, думал, что в следующий раз очнусь уже на том свете.

– Повремени, – посоветовала собеседница. – Тебя укусила вовсе не гремучка. Очень похожа, но не она.

Я оторвался от созерцания дощечек на своей конечности и вскинул глаза на Рамону. Слов у меня не было. Я никак не мог поверить.

– Однако, – девушка под села к костру, – что именно за змея тебя цапнула, я не знаю. Поэтому на всякий случай наложила шину и постаралась избавить твой организм от потенциального яда.

– И... и что теперь?.. – ко мне таки вернулся дар речи.

– Будем ждать, – она окинула меня изучающим взглядом. – Тебя не лихорадит?

– Вроде нет... – я как-то был вовсе не уверен. Сиди теперь, гадай – пронесет-не пронесет. Вот... уже, кажется, и лихорадить начало...

Рамона налила кофе в две кружки и протянула одну из них мне. Я сделал глоток и почувствовал, как внутри разливается волной благодатное тепло. Ладно, под такой кофе можно и подождать...

– Змею я изучила... – она чуть пожала плечами. – Вернее, то, что от нее осталось. Среди ядовитых я такой не встречала... Ладно, – она резко сменила тему, – как поживает моя тетка?

– Я думаю, тебе будет приятно узнать, что у нее родился жеребенок, – мне ничего другого не оставалось, как подстроиться под нее.

– Ну... – протянула Рамона, – у тебя пополнение в семействе.

– В какой-то мере, – я даже оживился – информация о том, что змея хотя бы потенциально неядовитая, подействовала на меня самым благотворным образом. – Но она не стоит в конюшне на ранчо, а бегает в прерии. Я выпустил ее на волю.

– Мне кажется, это правильно, – произнесла она. – Она слишком красива для корраля... А не боишься, что кто-нибудь поставит на нее свое клеймо?

Я отрицательно помотал головой и прислонился спиной к скале:

– Это вряд ли. Местные знают, что табун пасется на моей земле, а, следовательно, и принадлежит мне. Из наших никто не посягнет на этих лошадей, каждую из которых я знаю, как свои пять пальцев.

– Да, но остаются еще чужаки и конокрады.

– Ну конокрадов и клеймо не остановит, – усмехнулся я. – Разве нет?

– Что верно, то верно, – согласилась она.

Несколько минут мы сидели молча. Пили кофе и слушали шум дождя. Затем я чуть приподнял зажатую в дощечках руку.

– Рамона, объясни, зачем это?

Она повернулась ко мне и вытянула скрещенные ноги.

– Это для того, чтобы предать твоей руке неподвижность. На тот случай, если змея действительно ядовита. Между прочим, при помощи шин можно лечить переломы ног у лошадей. Тяжело, долго, но реально. Тебе, как хозяину большого ранчо, это должно быть интересно.

Я аж рот раскрыл и смотрел на девушку огромными от изумления глазами.

– Черт меня подери! – только и смог отдельно произнести я.

– Еще кофе? – она сняла с крючка котелок, и я молча протянул ей кружку.

Рамона всегда была умницей. Она не была высока, как первые красавицы Запада, не обладала их яркой внешностью. Но красавицы были просты и заурядны, а она была неординарна, что называется, с изюминкой. Я никогда не видел ее в платье, но знал, что их у нее целых три. Она была как Шэрон: носила джинсы, рубашки и шляпы, ездила верхом в мужском седле, отлично стреляла, ловко обращалась с лассо и запросто управлялась с экипажем, запряженным четверкой полудиких мустангов. Лошадей она обожала, просто не могла без них жить, и общий язык находила даже с самыми непокорными. Потому что сама была такой же непокорной. Ее умение обращаться с лошадьми было не иначе как даром божьим. Даже самый отчаянный стайер[4 - Так у ковбоев принято называть некоторых очень упрямых, даже вредных лошадей.] становился смирным, когда она гладила его по шее и что-то шептала в его тревожные лошадиные уши. У нее и фамилия была связана с конным миром, потому что в переводе с одного индейского наречия «симаррон» значит «страна диких лошадей».

Рамоне нравилось читать, чего я никогда не замечал за красавицами-дочерьми богатых фермеров. Она же прочитала уже Бог знает сколько книг и знала уйму разных вещей.

Она способна была не только постоять за себя, но и защитить других. Она гордилась своей свободой и независимостью, тем, что ею никто не помыкает, и она может поступать так, как посчитает нужным. Мисс Симаррон обладала спокойным характером, но насколько она была спокойна, настолько же она была и упряма. Она отличалась непредсказуемостью дикого мустанга, и никто не мог сказать, что у нее на уме.

Таких девчонок, подобных Шэрон и Рамоне, на Западе было раз, два и обчелся. Ибо это было не правилам и вызывало общественное порицание. Многим парням они были не по душе, и они говорили: «Кому нужна такая жена, которая все умеет делать не хуже тебя самого? Такие нам неинтересны». Я считал подобные высказывания глупыми. Любой человек интересен, а жена, по моему мнению,

самое главное должна быть тебе другом, должна тебя понимать.

Таких амазонок, как Кузина и Рамона, в честь которой я назвал игреневого мустанга, нельзя покорять по той простой причине, что они никогда не покорятся. Их можно только приручить.

- Дождь закончился, - голос Рамоны прервал мои размышления.

Она легко поднялась на ноги и стала собираться в дорогу. Я хотел ей помочь, но тут же был осажен умелой твердой рукой.

- Сиди спокойно, иначе пристрелю, - предупредила она.

Что мне оставалось? Ничего, только подчиниться.

- Слушай, - запоздало спохватился я, - а ты сама куда путь держишь?

Она затягивала подпруги у Пожирателя Кактусов, и меня совсем не удивило, что он стоит так тихонько и не пытается ее укусить. Не оборачиваясь, она ответила:

- Мне захотелось попутешествовать, надоело на одном месте, и конечной остановкой моей прогулки должна была стать «Лилия». Хотела сделать тебе сюрприз, но если...

- Никаких «если», - боюсь, я прервал ее достаточно бесцеремонно, - мы с ребятами давно не принимали гостей.

III

ПРЕРИИ И ДИКИЕ пустынные каньоны Юты уже давно не видели грозы подобной той, которая прошла. Пахло землей, впервые за долгое время смоченной дождем. Прекрасный запах, тем более после стольких недель звенящего зноя.

Для того чтобы мы могли двигаться быстрее, чем шагом, Рамоне пришлось освободить меня от шины. Я прекрасно видел, что она перерезает веревки скрепя сердце.

– Ладно, кажется, пронесло тебя. Если не помер, значит, именно от этого укуса уже не помрешь, – хмуро произнесла она, усаживаясь в седло. – Постельный режим ты все равно вряд ли соблюдал бы.

Какой-нибудь час назад бушевала ужасная гроза, но сейчас об этом можно было только догадываться – над нами снова светило жаркое солнце. Мы пускали лошадей то рысью, то галопом, потому что обоим хотелось побыстрее добраться до дома. Эта достаточно долгая поездка в компании друга, которого давно не видел, показалась мне, по крайней мере, раза в два короче.

Первым признаком того, что дом близко, было огромное дерево Джошуа, возвышавшееся великаном на самом гребне холма. Здесь я натянул поводья, и Рамона последовала моему примеру.

– Что случилось? – она взглянула на меня.

– Да ничего, я просто хотел сначала заехать в город, узнать последние новости.

– Ну так поехали, – она тронула свою пегую и стала спускаться с холма.

– Эй, меня подожди! – воскликнул я, разворачивая рыжего.

До города мы добрались за считанные минуты, а по дороге стали свидетелями буйного веселья семейки бизонов. Двое взрослых и один несмышленный малыш с громким радостным фырканием принимали водные процедуры в огромной глубокой луже. Зрелище было – дай Бог! Даже в прерии такое нечасто увидишь. Мы с Рамоной хохотали от души, наблюдая за ними, но потом папаша семейства поднялся и громадной сплошной горой весьма целенаправленно двинулся в нашу сторону. Мы свинтили оттуда быстрее, чем вы можете себе это представить.

В Дженнифер-таун мы въехали где-то около половины пятого – голодные, уставшие и порядком запыленные. Однако, невзирая на это, все же завернули

сначала в стоявшую чуть в стороне от города конюшню. Том Вандер – главный конюх и одновременно ее хозяин – встретил нас с охапкой душистого сена в руках. Мне он крепко пожал руку, Рамоне – почтительно поклонился. Ох уж этот Том, всегда знает, что сказать и когда улыбнуться. Старый лис...

Он нас накормил и сообщил последние новости. Сидя напротив нас с кружкой кофе в руке, Вандер неторопливо рассказывал:

– У нас тут все тихо и спокойно. Была пара чужаков, но так, проездом. Работу не искали. Просто побыли немного и уехали. Местные ребята слегка перебрали в салуне, подрались чуток, но Джо и Гарри их усмирили.

– Гарри Койн наш шериф, – объяснил я Рамоне, и она, кивнув, взяла с тарелки еще одно «медвежье ушко».

– Отличные пончики, мистер Вандер, – похвалила она.

– Спасибо, мисс, – он был сама скромность.

– Ладно-ладно, Том, – пожурил я его, – сам ведь прекрасно знаешь, что это чистая правда и что ковбои в очереди стоят за твоими «медвежьими ушками». Валяй дальше о событиях.

– Ну так, значит, пару дебоширов Гарри посадил в тюрьму на несколько дней. Но это все мелочи. Мелочи... Главная же новость заключается в том, что в каньоне Одноухого гризли обнаружили золото.

– Да ну? – не поверил я, опуская руку с вилкой.

– Вот тебе и «да ну», – усмехнулся Том.

– Большая залежь? – по-деловому поинтересовалась Рамона, глянув на конюха.

– Залежь начинается в каньоне Одноухого гризли, который принадлежит правительству, и уходит в сторону, на территорию ранчо «Лилия», а она является собственностью некоего мистера Фокса Дарранта.

– Ты хочешь сказать, что основная залежь располагается на моей земле?! – я, наверно, проорал этот вопрос, точно не помню.

– Именно! – облокотился Том на стол. – Фокс, мой мальчик, ты самый везучий из всех знакомых мне людей. Ты хозяин самого лучшего и большого ранчо в этом округе, если не во всей Юте, ты богатый человек, а стал еще богаче. Итак, молод, достаточно хорош собой, богат, причем сказочно... И главное, – Том поднял вверх указательный палец, – холост. В общем, завидный жених. Девушки сейчас на тебя гроздьями вешаться начнут. Учти. Мисс Симаррон, я вам подружески советую не упускать шанса покорить это дикое сердце. Он, конечно, далеко не идеал, грубоват, но приличная девушка сможет сделать более совершенным этот образец представителя бледнолицей расы.

При этих его словах я подавился бобами и закашлялся.

– Боюсь, я буду чувствовать себя неполноценной рядом с ним, – улыбнулась Рамона.

Новостью о золоте я был буквально раздавлен. Господи, за что?! Живу тихомирно, никого не трогаю, никому не мешаю... Почти.

Мое состояние можно было определить только, как шоковое.

Вандер хлопнул меня по плечу:

– Ты чего, Фокс, онемел от счастья?

Я поднял на него взгляд и положил вилку в тарелку с бобами:

– Но, Том, мне не нужно это золото!

Теперь конюх впал в шоковое состояние. Не убирая своей руки с моего плеча, он посмотрел на меня долгим внимательным взглядом. Он изучал меня как наш врач, доктор Росс, изучает своих пациентов. Не знаю, что конкретно он искал на моем лице, но, наверно, что-то, что напоминало бы последствия солнечного удара. Наконец он прямо спросил:

- Ты на солнце не перегрелся случайно?

Я заверил его, что это не так и что я пострадал не от самой горячей звезды на небе, а от неизвестной нам змеи.

- Так... хорошо... - он потер ладонью лоб, - это меня успокаивает. Однако объясни - почему?

Я снова взялся за вилку и покопался ею в тарелке:

- Золото, в любых количествах, несет с собой смерть. Я понял это давно, еще в те далекие времена, когда работал охранником дилижансов, перевозивших золото. Я видел, как люди убивали друг друга ради этого губительного металла. Ни один другой драгоценный металл или камень не обагрены кровью до такой степени, как его обагрено золото. Я не хочу, чтобы из-за этой жилы в каньоне погибли люди. Достаточно тех, чьи кости белеют под солнцем Калифорнии. Я не золотоискатель и не старатель, моя задача - коневодство, потому я и развожу лошадей. Я всегда хотел этим заниматься.

- Да, но правительственные старатели всю машут там лопатами, - откинулся Том на спинку деревянного стула, - и они очень... Да нет, даже не они, а само правительство непосредственно надеется на содействие с твоей стороны в этом вопросе. Причем немедленное.

- По-моему, зря надеются, - ответила за меня Рамона. - Дохлый номер.

Я покопался еще некоторое время в успевших уже остынуть бобах и, отодвинув, наконец, тарелку, подтянул к себе кружку с кофе. Из-за проклятого золота кусок в горло не лез. Опять влип, что за напасть такая!..

- Эй, эй, вы будто сговорились! - запротестовал Вандер, и мы с Рамоной переглянулись.

- Слушай, Том, - я подпер голову рукой, - если тебе нужен этот чертов каньон, так и скажи - я тут же нарисую тебе дарственную. Нарисую и подпишу, а Рамона будет свидетелем и, естественно, тоже подпишет бумагу.

– Мисс Симаррон, – он повернулся к моей спутнице, – вы этому никчемному дурню за данный день жизнь спасаете второй раз. Если бы вас здесь не оказалось, я его за такие слова убил бы на месте.

– Рамона, а ты слушай, – не отстал от Вандера я, – и, если найдешь где-нибудь мое бездыханное тело, вспомни этого Иуду.

– Непременно, – с серьезным видом кивнула она.

– Точно сговорились, – вздохнул Том. – Однако разговор не об этом. По поводу oro[5 - Золото (исп.)] у меня есть предложение.

– Да? Интересно... – я сделал еще один глоток из своей кружки – кофе пошел лучше, чем бобы.

– Ты не хочешь иметь ничего общего с золотом. Это твое полное и безоговорочное право. В этой ситуации есть два выхода: дать правительству от ворот поворот, то есть не разрешить ему разрабатывать жилу на твоей земле, или просто продать правительству каньон Одноухого гризли.

– Том... – протянул я.

– Тихо, тихо, – замахал он на меня рукой, – не гони лошадей. Время есть, подумай основательно.

Я заверил его, что так и сделаю, и мы с Рамоной, попрощавшись, двинули в город. Я хотел поздороваться с Джо Ниброком, хозяином салуна «Заходи, приятель!» С ним всегда было полезно перекинуться парой слов.

– Фокс, знаешь... – голос Рамоны был задумчив. – Золото – это хорошо.

– Как факт? Безусловно, – согласился я.

– Для тебя хорошо, – она сделала ударение на местоимении. – Ты хочешь заниматься коневодством, но почему-то видишь в золоте только обузу. По крайней мере, на данный момент. Но подумай! Ты же это золото можешь вложить как раз в разведение лошадей. Вывести новую породу. Купить

производителей и самых лучших кобыл. Построить новые конюшни. Видишь, сколько очевидных плюсов?

Я невольно натянул поводья и остановил рыжего. Действительно... Я что, дурак, что ли?.. Почему сам всего этого не увидел, не понял, не просек?

– Рамона, что бы я делал без тебя? – я благодарно раскинул руки в нехитрой попытке обнять ее.

– Пропал бы, – засмеялась она, уворачиваясь от моих объятий.

Въехав на главную улицу Дженнифер-тауна, мы первым делом увидели четыре знакомых мне фургона. Я ввел Рамону в курс дела, и теперь уже две пары глаз наблюдали за тем, что происходит у повозок. Собственно, там вроде ничего не происходило. Возниц ни единого видно не было, мулы стояли, опустив головы, а поводья лошадей двух тоже отсутствовавших седоков тянулись к одному из фургонов. Жалобно мычали тощие коровы, и какой-то мальчишка поил их водой из ведра.

Надо сказать, что Дженнифер-таун хоть и успел разрастись, оставался все же городком маленьким, поэтому эти колымаги занимали почти всю улицу. Впрочем, судя по тому, что лошадей не привязали к коновязи, путешественники не собирались задерживаться здесь надолго.

– Что думаешь? – наклонился я к Рамоне.

Она едва заметно пожала плечами:

– С Востока. Хотя... может быть и «бегуны».

«Бегунами» на Западе называли людей, которым нигде по-настоящему не нравилось, и которые по этой причине нигде не оседали. Они переходили из штата в штат, гнали с собой тощий, как раз как эти коровы, скот и тащили перетянутый сыромятной кожей нехитрый скарб. Их еще называли «перекати-поле» или «сыромятная утварь».

– Нет, не «бегуны», – тут же не согласилась сама с собой Рамона. – Слишком богатые для «перекати-поля».

Вдруг ближайший к нам фургон качнулся на рессорах, и из-под его тента показалась девушка, одетая не по-дорожному нарядно. Ее платье цвета морской волны очень гармонировало с огненно-рыжими длинными волосами незнакомки. Ее прическу венчала очаровательная шляпка с перьями того же цвета, что и платье. В одной руке, затянутой в перчатку, она держала поводья обеих лошадей, а в другой – хлыст для верховой езды.

– Интересно, что за бедолагу птаху она распотрошила? – Рамона присмотрелась к шляпке незнакомки.

Та, выпрямившись, окинула оживленную улицу, как мне показалось, презрительным взглядом.

– И они называют это городом? – донеслось до нас. – Дыра. Скопление сараев.

– Точно с Востока, – покачала головой Рамона.

Подобрав юбки, незнакомка неумело слезла с фургона на землю, уперла руку с поводьями в бок и посмотрела по сторонам. Ковбои, проезжавшие мимо, едва не сворачивали шеи, глядя на нее. Их можно было понять – она была высока и красива. Однако, отвечая на их взгляды, она только высокомерно надувала губы. Барышня была холодна и недоступна, как снеговик на склоне горы.

– Ишь какая! – фыркнула моя спутница. – И посмотреть нельзя.

Незнакомка прошла в зад-вперед на ту длину, что позволяли поводья. Ей захотелось отойти подальше, но лошади стояли на месте и совсем не горели желанием топтать за ней. Она резко дернула поводья. Лошади вскинули головы, однако с места сдвинулась только одна.

– А ну!..

В воздухе мелькнул, взвизгнув, хлыст, и вторая лошадь от удара шарахнулась в сторону.

– Я тебе не послушаюсь! – хлыст еще раз опустился на шею животного.

– Что она, черт возьми, делает?! – не выдержала Рамона. – Бить лошадь не за что...

Она бросила поводья и, соскользнув с седла, решительным шагом направилась к незнакомке. Та занесла хлыст для третьего удара.

– Эй, леди, только попробуйте ударить лошадь еще раз, и вы сами узнаете, что такое хлыст! – остановила ее Рамона низким от ярости голосом.

Незнакомка обернулась и посмотрела на нее сверху вниз – она была выше моей спутницы на целую голову.

– Да как ты смеешь мне так говорить?! Ты, гном рождественский?! Иди-ка, мальчик, отсюда!

Я, уперевшись ладонью в луку седла, наблюдал за тем, что будет дальше, но был готов в любую минуту придти спутнице на помощь. Я усмехнулся, когда незнакомка назвала Рамону мальчиком. Впрочем, не удивительно – ее ввели в заблуждение одежда, револьвер в кобуре на поясе и спрятанные под шляпу волосы мисс Симаррон.

– Если я рождественский гном, то ты не иначе, как рождественская индейка! – парировала она.

Стоявшие в стороне ковбои и агент дилижансной службы Уэллса Фарго весело захохотали при ее словах, и самый долговязый из них, улыбаясь во весь рот, крикнул:

– Здорово сказано, мисс!

– Мисс? – незнакомка развернулась на каблучках, едва не грохнувшись в пыль. – Ты – мисс?

Рамона оставила этот вопрос без ответа и только пригрозила:

– Узнаю, что ты хоть раз еще ударила лошадь без причины – отстрелю тебе с макушки шляпку.

Напоследок она ей мило улыбнулась и, повернувшись к рыжей спиной, вернулась к своей пегой кобылке. Сев в седло, она призналась:

– Я не за что ударила лошадь всего один раз. Это было давно, но я до сих пор жалею об этом.

Мы поехали дальше по улице, однако я заметил, что незнакомка еще долго провожала нас взглядом.

IV

КОГДА НАШИ ЛОШАДИ усталым шагом ввезли нас во двор «Лилии», Малыш Фрэнк Фейвор сидел на пороге дома и отдавал приказания Оуэну МакГри и Брэту Миллоу. Те ползали вокруг небольшого фургона, рядом с которым стояло ведрышко смазки.

– Эй, Брэт, ты мажь там, где надо, а не там, где тебе вздумается, – поучал Фрэнк.

– Малыш, ты сейчас проглотишь свою шляпу, – пыхтел в ответ Миллоу. – Я тебе не дам ее даже посолить.

Заметив нас, Фрэнк улыбнулся в тридцать два зуба и поднялся с крыльца:

– Эй, ребята, закончились каникулы. Начальник вернулся. Причем не один, – это он уже пробормотал себе под нос, но я все равно услышал.

Цесарки, ходившие по двору с важным видом, заметив незнакомую лошадь и девушку, подняли страшный гвалт. При виде незнакомых людей они всегда себя ведут подобным образом. Поэтому мы и держали их – они исполняли роль сторожевых собак.

Ковбои вылезли из-под фургона и, едва только узрели Рамону, принялись торопливо отряхиваться и причесывать пятерней буйные шевелюры. Губы обоих растянулись в приветливом улыбоне. «Госте», а вернее, гостяприимные до помутнения рассудка.

– Здрасьте, мэ, – они, толкаясь, топтались перед пегой. – Я Оуэн, а это Брэт, – имя приятеля произносится, как можно более небрежно – типа, он внимания не заслуживает. – Мы рады видеть вас на «Лилии».

Рамона едва успела сделать еле заметный жест для того, чтобы спешиться, как эти прохвосты оба тут же схватили ее кобылку под уздцы. Девушка представилась им и пожала каждому руку. Ребята просто расцвели от счастья.

– А как зовут вашу лошадку? – любопытствовал Оуэн, отвоевав поводья у приятеля. – Отличный мустанг, на мой взгляд.

– Она действительно хорошая лошадь, – подтвердила Рамона. – А зовут ее Той. Мне кажется, похожа[б - Игра слов: «той» («toy» – англ.) в переводе означает «игрушка».]...

– Правда, здорово придумано, – не отстал от друзей Фрэнк.

Представление могло продолжаться до бесконечности, потому что эти три клоуна старались перещеголять друг друга, лишь бы только понравиться моей спутнице. Пора было по-хозяйски повлиять на них.

– Малыш, чего-то у тебя команда разболталась, – спустил я их с небес на землю. – Никакого порядка. Да и вообще, дайте человеку отдохнуть с дороги. А фургон вам для чего?

– Как для чего? – Малыш отправился вместе с нами в конюшню, ведя за собой вьючную лошадь. – А про Гонку привидений забыл?

– Черт, точно! – я хлопнул себя по лбу и завел рыжего в денник. – Рамона, ставь Той напротив. Кронштейны там, за дверью... Вот хоть бы кто сказал или напомнил! Ни слова! Заехали к Тому, у него одна новость – золото, заглянули к Джо – там то же самое. С ума просто все походили! В городе все на меня

пялились как на чудо какое-то! Девушки только что под лошадь не бросались: «Ах, милый, я всегда тебя любила и ждала!» Подождешь еще столько же... Ты знаешь, я уже стал подумывать, что пора устроить собрание и во всеуслышание заявить, что мне это золото не нужно.

– То есть... как? – Фрэнк отошел от лошади и, навалившись на дверцу денника, посмотрел на меня.

Я ему сказал то же самое, что говорил Тому. Малыш сдвинул шляпу на затылок и расстроено-коротко прокомментировал:

– Круто... Ты как, хорошо подумал?

– Это он дурака валяет, – успокоила Фрэнка Рамона. – И тебя разыгрывает. Никому он этого золота не отдаст, можешь быть спокоен.

– Да?.. – все же усомнился Фейвор. – Хотя... Да, он вообще парень разумный.

Я хмыкнул, стащил со спины рыжего седло, бросил на него оголовье и повесил на кронштейн.

– Ладно, давай забудем пока о золоте и поговорим о Гонке. Когда старт?

– Через два дня, – доложил мой помощник. – В 10 утра от колокольни отъезжает первый фургон. Второй – через полчаса.

– Чем награждают?

Мы вышли из конюшни и направились втроем к дому.

– Чистокровным испанским жеребцом.

– Андалузцем?

Фейвор подтвердил информацию коротким: «Ага».

- Да-а... - толкнул я дверь дома, - это вам... Нам бы он не помешал, а, Малыш?

- Приложи немного усилий и он - твой, - у второго после меня человека на ранчо все было просто.

На словах все действительно выглядело просто, а на деле Гонка была намного трудней. Попробуйте четыре дня подряд править фургоном и нестись на этом фургоне через овраги, реки, каньоны, - проще говоря, через все подряд по совершенно незнакомому маршруту, - так быстро, словно все черти преисподней гонятся за тобой, и ты чувствуешь, как они дышат тебе в затылок. Отсюда и пошло название, - парень, который придумал эти Гонки, сказал перед первым стартом: «Вы должны ехать так быстро, будто вам на пятки наступают привидения». Вообще это было достаточно зверской забавой. Однако сама награда провоцировала на участие - как правило, в виде главного приза всегда выступала чистокровная лошадь. Обычно жеребцы, реже - кобылы. На участие в Гонке подавали заявления все в округе, кто только имел собственный фургон и пару крепких выносливых лошадок.

- Слышь, Фокс? Заяву надо подать завтра до полудня, а еще через день состоится жеребьевка - кому под каким номером ехать, - снабдил меня информацией Фрэнк. - Команда каждой упряжки - три человека. Да, еще... После того, как определится стартовый номер, каждому участнику выдается карта маршрута.

- Чего, чего? - переспросил я. - Разве ее не выдавали всегда за полчаса до старта?

Малыш на секунду задумался и, почесав затылок, произнес:

- Да?.. Значит, я ошибся.

V

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО я показывал Рамоне свою гордость - конюшни, которые были не просто конным домом. Главным сокровищем «Лилии» являлись именно

эти конюшни, занимавшие по площади половину, если не больше, Дженнифер-тауна. Мы с ребятами берегли их как зеницу ока, потому что в них стояли лошади, на которых мы угрохали кучу сил, труда и денег. Да, за ранчо еще числилось несколько тысяч голов скота с клеймом «Лилия в круге», однако в округе все знали, что главное для нас – лошади. Надо заметить, за 4 года совместной работы мы добились определенного успеха. В то время, как Север воевал с Югом, мы улучшали и без того хорошие качества миссурийского фокстроттера.

– Слышала о них, – кивнула Рамона, – но никогда не видела.

– Ну это мы сейчас исправим, – успокоил я ее и с вполне понятной гордостью распахнул перед ней широкие двери конюшни.

Длинный ряд просторных денников тянулся от одного конца здания к другому. Такой длинный, что казалось нет ему конца... Здесь было светло, потому что мы с ребятами решили прорубить в стенах окна. Я уже давно заметил, что лошадей нельзя держать в темных помещениях – там они становятся близорукими и пугливыми.

– Но здесь стоят только чистокровки, да? – Рамона тут же потянулась рукой к чьей-то бархатной морде.

– Верно. Мустанги находятся в отдельном крыле, но крылья между собой сообщаются. Точно так же, как и с сеновалом. Тут еще многое не достроено, работы полно, но мы потихоньку продвигаемся вперед. Команда маловата, однако сейчас нанять на постоянную работу кого-то еще я не могу. Не получится всем одинаково хорошо платить.

– Сколько у тебя всего голов в табуне?

– Основная команда – 25 парней, во время весеннего и осеннего объездов их число увеличивается еще примерно на десять-пятнадцать голов.

– Ах ты, паршивец! Я лошадей имела ввиду!

– Лошадей?! – я округлил глаза как теленок. – Ну мустангов около ста, а этих лошадок – в зависимости от породы, но тоже где-то за 2 сотни перевалит. Ну и плюс еще жеребята.

Мы пошли с ней вдоль денников, и по дороге я отвечал на ее вопросы, которые сыпались градом. Через пару шагов мы остановились у денников, где стояли миссурійцы. Сравнительно недавно их вывели переселенцы, двигавшиеся из Кентукки, Теннеси и Вирджинии на запад вдоль Миссисипи. Они брали с собой разных лошадей, среди которых были и чистокровные верховые (одному Богу известно, каким образом эти аристократки-англичанки попали на Запад), восточные и морганы. Они разводили лошадей «в себе» и пытались получить лошадь, подходящую к условиям жизни в районе холмистого плато Озарк в долине Миссури.

Знаете, когда много и, главное, часто ездешь верхом, начинаешь понимать, что было бы неплохо накинуть седло на лошадку, которая может нести тебя на длинные расстояния, часто по каменистой почве, с минимальным расходом как собственных сил, так и сил бедняги-ковбоя. Если вы никогда не ездили подолгу верхом, вам придется поверить мне на слово, что рысь любой лошади, какой бы мягкой она не была, рано или поздно начинает вытряхивать из тебя кишки. Тогда уж и не знаешь, как поудобней устроиться в седле, лишь бы только не ощущать этой бесконечной тряски. Была у нас на ранчо одна высокая караковая кобыла – уж до чего у нее рысь мягкая, как подушка! – даже после нее оставалось такое ощущение, словно твой собственный хребет застрял у тебя же в глотке.

Вот и переселенцам врачи, шерифы, ковбои и прочий люд, привыкший сидеть целыми днями в седле, предъявляли требования, о которых я только что говорил. Однако эти ребята, двигавшиеся к Миссури, видать, знали, каких друзей с копытами скрещивать, потому что в итоге вывели отличную лошадь с идеальным аллюром, получившую название «фокстрот». При этом аллюре передние ноги животного двигаются шагом, а задние – рысью, и со стороны кажется, будто лошадь действительно танцует одноименный танец.

Фокстроттер не ставит задние ноги с резким ударом, как на обычной рыси, а словно проскальзывает ими под корпус. Так, на словах, вся прелесть этой особенности понятна только что знатоку, который на лошадях собаку съел. На деле же ты чуть ли от восторга не падаешь из седла, потому что фокстрот – это плавный, комфортный аллюр, которым лошадь, не испытывая усталости, может двигаться долгое время. Причем способность передвигаться таким

образом врожденная, что еще более ценно. Я прикупил для своей команды и себя ровно 31 фокстроттера – 25 кобыл и 6 жеребцов. Ранчо у нас было большо-о-е, поэтому мы нуждались в «удобных» лошадях – объезжать дай Бог сколько приходилось.

Покатавшись на своем соловом Бинго, я решил, что для ковбойской лошади, пригодной для работы со скотом, у фокстроттеров не достаточно мускулистое телосложение и устойчивость на ногах. Из-за последней недоработки вся команда «Лилии», включая и ее хозяина, за время объездов успела хотя бы по одному разу грохнуться вместе с фокстроттером в грязь на крутом вираже. Мы с ребятами пораскинули мозгами, и мысль у всех была одинаковой – надо дорабатывать недоработки.

Я прикинул, с какой породой лучше всего скрестить фокстроттера и отправился на Юг за жеребцом кентуккийской верховой породы.[7 - Ныне эта порода носит название «американская верховая».] Именно эти элегантные умные животные среди прочих своих достоинств обладали одним существенным плюсом – природным чувством равновесия. Назад я вернулся, ведя в поводу темно-рыжего, почти красного пятилетнего жеребца, предварительно отвалив за него одному плантатору сумму, при воспоминании о которой мне до сих пор становится плохо. Но, поверьте мне, он стоил тех денег, что я за него отдал. Его звали просто Билли, и для жеребца он был идеальным – добронравный, смысленый, резвый. Он был чистокровкой, однако это не мешало ему тащить фургон или с успехом работать со скотом, когда этого требовали обстоятельства.

Мой опыт увенчался отличным результатом, и теперь ребята, гонясь по прериям за коровами, с удовольствием закладывали виражи на дочерях и сыновьях Билли.

Оправившись после покупки Билли, потребовавшей колоссального вложения средств, мы с ребятами продали гурт скота, потому как было то самое время, когда цены подскочили до небес. В итоге мы выручили еще не менее колоссальную сумму, и вместе с ней и с Уолтом Риардоном я отправился теперь уже на Восток. Там один богатый парень увлекался лошадьми, но потом, из-за несчастливого стечения обстоятельств, разорился, и теперь все имущество толстосума распродавали с молотка. Меня мало интересовали его барахло или картины европейских мазил, да и даже из лошадей мои мысли занимала только одна. Парень-то был богатым, а богатым – море по колено. Он как истинный

ценитель лошадей (ценитель с деньгами!) и большой любитель путешествовать привез с собой из Туркмении ахалтекинского жеребца гнедой масти по кличке Абдулла.

С Востока я вернулся не только с Абдуллой, но и с новым ковбоем, которым стал бывший толстосум Трент Дрэйпер. Текинец обошелся мне намного дешевле Билли.

Выбрав из мустангов пару самых крепких кобыл, я скрестил их с Абдуллой. Спустя почти год у кобыл родились два совершенно одинаковых жеребенка, которые детскую «рубашку»[8 - Первоначальная масть жеребенка. Взрослея, он ее меняет.] в более взрослом возрасте сменили на светло-рыжую масть с гривами и хвостом песочного цвета. Получилось сочетание выносливости мустанга с резвостью хода, феноменальной выносливостью, потрясающей закаленностью и атлетичным сложением текинца. На эту пару приезжали посмотреть многие и деньги за них предлагали просто невероятные, но мы всем давали от ворот поворот. Кроме того, не один из покупателей не знал истинной сущности Принца и Мустанга. Даже Вандер, наш общий друг, понятия не имел о том, что за кровь намешана в этих лошадях. Для окружающих они были всего лишь парой привычных всем мустангов. Стоит ли говорить, что именно их я намеревался запрячь в фургон для Гонки привидений.

Однако не все в округе ранчеры относились ко мне доброжелательно – хотя я и не понимал почему. Раньше они стонали, что Айелло не дают никому жить. Теперь жить было вроде нормально, земля у всех была, у всех хватало коров и лошадей, но что еще требовалось загадочной фермерской душе, я не знал. Возможно, они просто завидовали мне. Так или иначе, несколько раз на «Лилию» совершали налеты с целью переселить нас намного дальше, чем располагается штат Юта. И тогда вместо людей говорили ружья, а наше маленькое кладбище на холме с каждым разом увеличивалось по самым скромным подсчетам на две могилы. Никто не думал в чем-либо обвинять меня или мою команду, потому что жизнь на Диком Западе имела особый аромат, где запах земли, лошадей и пыли перемешивался с запахом пороха.

ПОКАЗАВ РАМОНЕ КОНЮШНИ, я оседлал Пожирателя Кактусов и направился в город подавать заявление на участие в Гонке.

Местные любили подобные развлечения, потому что они случались крайне редко. Основные вообще можно было пересчитать по пальцам: раз в год большое родео, скачки рысаков и квотерхорсов[9 - Порода лошадей, выведенная ковбоями. Свое название («quarter» – четверть и «horse» – лошадь) получила благодаря способности, сорвавшись с места в галоп, бежать этим аллюром, не останавливаясь, четверть мили.] да Гонка привидений. Остальное все время занимали будничные тяжелый труд и прочие заботы.

В Дженнифер-тауне царил оживление как никогда. Мелькали незнакомые чужие лица, а вокруг самого города и поближе к конюшне Тома были разбросаны с десяток фургонов и паслись выпряженные лошади. Здесь разместились те, кому не хватило номеров в местном отеле и свободных денников у Вандера.

Заявки подавали в конторе у Гарри, и туда выстроилась длинная очередь. И самого шерифа и его двух помощников сейчас завалили работой. Койн и один его сподручный принимали заявки, проверяли правильно ли они составлены и нумеровали их, а второй парень охранял вход в полицейскую конюшню, где стоял все это время испанский жеребец, обещанный в награду победителю. Гарри правильно поступил, выставив охрану, а то ведь у нас народ негордый...

Вдоль очереди в контору шерифа я проехал напрямик к салуну «Заходи, приятель!», где командовал Джо Ниброк – здоровенный парень похожий на индейца. Впрочем, сам Джо никогда и не отрицал, что в его жилах течет индейская кровь.

Скользящим узлом я привязал Карающую Молнию к коновязи рядом с несколькими другими лошадьми. Все до единой были мне незнакомы, но я знал, кому принадлежат клейма на их крупах. Стало быть, соседи лошадок прикупили, пока я по свадьбам болтался... Я перешагнул две ступени и, кивнув сидевшему на крыльце знакомому ковбою, толкнул двустворчатую дверь салуна. Внутри, как всегда, висела дымовая завеса, был слышен звон стаканов и воняло перегаром. Но снаружи «Заходи, приятель!» представлял из себя настоящий шедевр архитектуры с деревянными колоннами.

По полу, посыпанному опилками, я прошагал до длинной стойки, за которой возвышался сам хозяин заведения. Примостившись в самом конце стойки, я стал ждать пока Ниброк нальет пива двум парням и подойдет ко мне. Наконец он освободился и навалился на стойку напротив меня:

- Ну, как жизнь молодая?

- И тебе привет, Джо, - ответил я. - Пора тебе изменить воздух салуна в лучшую сторону. В буквальном смысле слова.

- Не могу, - покачал он головой. - Клиенты назовут салун клубом для барышень и перестанут сюда ходить.

- Обо всем-то он подумал! - ухмыльнулся я. - Ладно, Джо, у тебя есть образец заявления?

- Допустим, есть.

- Значит, карандаш и бумага тоже найдутся. Тащи их сюда.

Он закинул полотенце себе на плечо и бесшумно скрылся в комнате за стойкой. Что всегда поражало меня в этом крупном рослом человеке, так это его способность двигаться легко и совершенно беззвучно. Через минуту, неся все, что я просил, он вновь возник в поле моего зрения. Ниброк положил передо мной карандаш и бумагу и словно невзначай тихо произнес:

- В городе чужие, Фокс.

- Да, Джо, я заметил, - усмехнулся я, выводя первые слова заявы.

Вдруг его огромная рука опустилась на мою, и он придвинулся совсем близко ко мне:

- Нет, сынок, ты не понял. Я сказал, что в городе чужие.

Его голос, в котором прозвучала нотка беспокойства, заставил меня отложить карандаш. Я поднял на него глаза и взглянул на его посуровевшее лицо. Ниброк

никогда не волновался по пустякам и, если он утверждал, что в Дженнифертауне что-то происходит, значит, так оно и было. Его тревога передалась и мне. Это чувство было неприятным.

- Ты имеешь в виду те четыре фургона? - уточнил я.

- Не знаю, может быть все дело в них. Скорей всего так оно и есть, потому что, хотя и ходят слухи, что они тоже будут участвовать в Гонке, они не расположились со всеми, перед городом. Их лагерь в стороне, дальше к югу.

- Ну, мож, все не так страшно? Мож, они заодно земли себе свободные присматривают, но не знают, что здесь они не найдут ни дюйма незанятой земли? А, может, они от наших парней рыжую свою прячут?

- Это вряд ли, - опроверг мое предположение Ниброк. - Рыжая сегодня с утра была уже в городе. Ее привез в фургоне какой-то хиляк. Кстати, они заходили к Тому и выясняли, где можно купить «амазонку».

- Дамское седло? - я снова взял карандаш в руки. - А как их имя-фамилия?

- Хиляка - неизвестно, а девушку зовут Люсиль Сноу.

- Значит, говоришь, «амазонку» они искали?.. - мне ее имя не сказала абсолютно ничего. - У меня есть «амазонка», и Том наверняка сообщил им об этом.

- Жди гостей, Фокс, - заключил Джо.

Он подмигнул мне и направился выполнять свои обязанности. Я некоторое время размышлял обо всем, что услышал, но потом, выбросив переселенцев из головы, вернулся к написанию заявления.

ГОСТИ ПОЯВИЛИСЬ ВО дворе «Лилии» в тот же день ближе к вечеру. Возле дома остановился один из фургонов переселенцев. На его козлах восседал Хиляк, рядом с ним расположилась девушка. Она и в этот раз была в какой-то умопомрачительной шляпке, и довольно плотная вуалетка головного убора скрывала лицо барышни. Вслед за фургоном появился верховой – крепкий на вид парень с грубым лицом и беспокойными темными глазами. Цесарки подняли шум, как при вавилонском столпотворении, и навстречу прибывшим вышел Трент.

– Добрый вечер, – с истинно восточной интеллигентной вежливостью поздоровался он. – Чем могу служить?

На всем Западе не найти более вежливого человека, чем Трент. Обычно здесь спрашивали: «Чего надо?» или «Чего тебе?», а сам вопрос сопровождали бульдожьим взглядом.

Верховой остановил лошадь напротив Дрэйпера:

– Нам нужен хозяин ранчо, мистер Даррант. Это вы?

Трент хотел возразить, но я опередил его, выехав из-за сеновала – я вместе с Рамоной был на дальних пастбищах, и мы только что вернулись.

– Это я. Чем могу помочь?

Все трое посмотрели на меня испытывающим подозрительным взглядом. Больше всех старалась девица. Похоже, мои потертые джинсы и выцветшая от солнца рубаха не внушили им доверия. Рамона оказалась права – они приехали с Востока и понятия не имели, что на Западе человек в грязных джинсах может быть и бродягой, и крупным ранчером.

Я направил Бинго к ним и натянул поводья рядом с Трентом. Рамона, повернув к конюшне, спешила у ее ворот, и я заметил, как рыжая пристально наблюдает за ней – это было понятно даже просто по повороту головы. Так смотреть – глаза сломать можно.

Переговоры повел всадник и, как я и предполагал, речь пошла об «амазонке». Я назвал свою цену. Он подумал и стал торговаться. Да, этому малому не нравилось, когда ему перечили. И по мере того, как ему твердо говорили «нет», он заводился все больше и больше. В сущности, я всего лишь дразнил его, прощупывал, хотел узнать, что он за человек. Я смотрел, как он сидит на лошади, как одет, как жестикулирует, даже как держит поводья. Надо заметить, что держал он их не по-западному в одной руке, а по-восточному в двух. Словно землю пашет.

Наконец его труды, как ему это наверняка показалось, принесли кое-какие плоды. Я скинул ему пятерку и продал седло за те деньги, которых оно без сомнений стоило.

Брэт, стоявший на крыльце дома, без указов сходил в конюшню и принес «амазонку», которая осталась на ранчо от Дженнифер. Четыре года она провалялась без дела, а теперь ей найдут применение.

Парень отсчитал мне в ладонь золотые монеты, а Хиляк засунул седло в фургон.

Всадник нерешительно пожевал губами, потом оглянулся через плечо на Хиляка и Люсиль, а затем снова обернулся ко мне:

– В городской конюшне нам сказали, что у вас есть лошадки на продажу.

– Найдутся, – кивнул я.

– Мы бы хотели купить одну для мисс Сноу.

Нет, «бегунами» они не были, потому что деньги у них водились. Просто ищут земли или?.. Я невольно вспомнил слова Джо и еще более пристально прошелся по ним взглядом. Всадник вооружен не был, а вот у Хиляка неестественно топорщился карман пиджака на правом боку. Он прятал револьвер за поясом – это делали немногие, только те, кто умел с ним обращаться. Девица вроде держалась естественно, но кто ее знает – может, она прячет оружие в складках платья? Все это весьма подозрительно... Однако я был уверен, что и моя команда не спит.

- И какие же лошади нравятся мисс Сноу? - я продолжил разговор, как ни в чем не бывало.

- Спокойные и послушные, - ответил вместо нее возница.

- Трент, зови ребят. Надо выпустить лошадей в корраль.

Дрэйпер приподнял шляпу и скрылся в конюшне. Я показал на корраль рукой:

- Вы можете подойти поближе.

Ребята вывели с десятков лошадей и пустили их в загон к гулявшему там вороному мерину.

- Выбирайте любую, кроме вороного, - разрешил я.

- Почему кроме вороного? - поинтересовался всадник.

- Эльдорадо не продается.

- Ну а если мисс Сноу понравится именно он? - вздернул подбородок Хиляк.

- Это ничего не изменит.

- Почему? Если мисс...

- Он не продается, - отрезал я. - Эльдорадо болен, он нуждается в надлежащем уходе, потому что у него эмфизема.

Они, все трое, посмотрели на меня мало что выражающими глазами, и я понял, что мои слова ничего им не сказали.

- Грубо говоря, у него почти не работают легкие. На нем нельзя ездить, иначе он начинает кашлять.

После этого спор моментально прекратился. Они выбрали одну из предложенных лошадей и укатили. Я долго смотрел им вслед, смотрел, как они растворяются в лучах заходящего солнца.

– Фокс, ты чего? – ко мне подошел с винчестером в руке Уолт Риардон. – Девушка эта, что ль, в душу запала?

Я покачал головой и стал стягивать с рук перчатки:

– Нет, Уолт. Я просто подумал об истинной цели их приезда.

– Ты это...

Неожиданно грохнувший выстрел не дал ему договорить. Мы ринулись и разные стороны. Он, пригибаясь к земле, в сторону барака для ковбоев, а я, вытаскивая на ходу револьвер, к дому. Рамона распахнула передо мной дверь и, едва я оказался внутри, тут же захлопнула ее. Из кухни вылетел Сэм Авмерс, наш повар и кашевар. Он держал в руках дробовик, и я знал, что пользоваться им он умеет лучше некоторых. Сэм занимался ужином, это сразу было видно, потому что он был в переднике.

– Опять какие-то сволочи! – выругался он и моментально спохватился: – Ой, извините, мисс...

– Пустяки, Сэм, – великодушно простила его мисс. – Иногда сама так выражаюсь.

Раздались дикие вопли, вырывавшиеся, видимо, не из одной глотки. Они заглушали даже бешеный топот копыт. Во двор «Лилии» хлынул поток всадников.

Я распахнул окно, Авмерс последовал моему примеру, и мы с ним одновременно выстрелили по всадникам. Один сразу же рухнул под копыта лошадей, метавшихся по двору, потому что все хозяйственные постройки были окружены глубоким и широким рвом с водой, и выход, без дополнительного, съемного моста, находился там же, где и вход. Сердце ранчо было расположено как бы на острове.

- Назад! Назад! – услышал я окрик, и кто-то в толпе махнул рукой.

Я выпалил прямо по маячившей конечности и, кажется, попал – всадник взвыл от боли и, прижав кисть к себе, ломанулся со двора. За ним помчалась и вся остальная свора, но тот, кто скакал последним, ускакал прямо в мир иной – его туда отправил кто-то из наших парней.

Некоторое время мы еще слышали лихорадочную дробь копыт, а потом все стихло.

- Быстро сегодня, – заметил Авмерс, смахивая пот со лба.

- Как ты? – я повернулся к стоявшей позади Рамоне.

- Я и раньше видела, как умирают люди, – последовал спокойный ответ – за нее волноваться было нечего.

- Ладно, надо глянуть на охотничьи трофеи, – невесело пошутил я, и мы втроем вышли на крыльцо.

Уолт, Малыш и Брэт повылезали из своих укрытий, за ними с сеновала скатился Трент, Чип и еще несколько ковбоев вышли из барака. Парни под командованием Фейвора направились к трем трупам и перевернули их. Некоторые ребята сразу отправились в сарай за лопатами, чтобы вырыть могилы.

- Эй, Фокс! – окликнул меня Фрэнк. – Поди, погляди на их рожи, я чего-то никого не узнаю.

Весьма неохотно я исполнил просьбу управляющего, но, осмотрев покойников, тоже не опознал ни одного мертвеца.

- Не, Малыш, – я вздохнул, – это точно не местные.

- Этот-то и плохо, – сплюнул он.

Я посмотрел на него, а он на меня. Слова Джо не были пустым звуком – в городе действительно находились чужие.

VIII

ПОСЛЕ УЖИНА ВСЕЙ команде «Лилии» предстояло участие в важном мероприятии – мы должны были выбрать экипаж нашего фургона. Побороться за испанского жеребца хотели все, поэтому каждая вакансия была на вес золота. Ребята давали это друг другу понять достаточно ясно, но, естественно, не при помощи кулаков или револьверов. Моя команда была дружной, в отличие от команд других ранчо, и мордобой у нас признавался только если дело касалось драки за то, что нам принадлежало. В данном случае обо всем ясно свидетельствовали взгляды. Даже миляга Трент выглядел как человек, который своего не упустит, хотя на самом деле таким не был.

Вообще же порядки на «Лилии» разительно отличались от общепринятых законов западных ранчо. Как правило, чем крупнее было ранчо, тем большая дистанция сохранялась между хозяином или управляющим и ковбоями. У нас такого не было. Работали мы, возились со скотом и лошадьми, вместе, и ни я, ни Малыш не пользовались никакими привилегиями. «Лилия» была не только моя, она была еще и ребят. На больших ранчо, случалось, ковбои ни разу не переступали порог главного дома. Дверь же хозяйского дома «Лилии» всегда была открыта для ее работников.

Я сидел, как и полагается хозяину, во главе стола. По правую руку находился Малыш – как управляющий, а по левую Рамона – как леди.

– Так, ладно, – я наконец отодвинул полупустую кружку с кофе и чуть повысил голос. – Всем известно, по какому поводу мы тут слегка задержались после ужина. Послезавтра состоится Гонка привидений, и нам надо определить, кто будет править фургоном ранчо «Лилия».

Ребята стали еще больше коситься друг на друга, а Уолт даже показал всем конкурентам кулак. Пожалуй, из всех нас спокойствие сохраняла только Рамона – она пила кофе и поглядывала на разгоравшиеся вокруг страсти поверх своей кружки.

– Команду нашего фургона, – продолжил я, – на мой взгляд, честней всего определит жребий. В общем, как обычно.

Ребята одобрительно загудели:

– Точно! Согласны!

– Значит, сейчас напишем на бумаге все имена, скрутим их, бросим в шляпу и...

– У меня есть кое-какие соображения! – поднялся со своего места Фрэнк.

Гул стих, и снова зазвучал голос управляющего:

– У меня, значит, такая мысль. Игра, конечно, стоит свеч, и, по словам Фокса, нам этот жеребец нужен позарез.

– Фрэнк, не сочиняй, – погрозил я ему пальцем. – Не позарез. Если не выиграем – не порем.

– Ну ладно, согласен, проигрыш не смертелен, – не стал спорить он. – Однако в фургон Фокс хочет запрячь Принца и Мустанга, а какая там кровь намешана – сами знаете. Кроме того, лошади неопытные, молодые и никогда в Гонках участия не принимали. Поэтому я считаю, за тем, как они поведут себя во время соревнований, должен наблюдать сам Фокс.

Малыш не дал ни ребятам, ни мне даже времени переварить это сообщение. Что и говорить, он всегда брал быка за рога. И держал его, мягко говоря, железной хваткой.

– Дальше. Если Фокс уедет и будет отсутствовать долгих четыре дня, то, ясное дело, он мисс Симаррон на наше попечение не оставит. Никто из нас не сомневается, что Рамона в состоянии сама постоять за себя, однако отсюда все равно следует вывод – второе место в команде фургона мы должны уступить леди. Гонка, конечно, не верховая прогулочка, но и Рамона не из этих, кисейных барышень, вызывающих раздражение.

О, да! Тут все были единогласно «за». Идея была дружно поддержана, одобрена и обжалованию не подлежала. Если бы у нас происходило голосование, они бы за кандидатуру Рамоны тянули не только обе руки, но и обе ноги.

– Эй, ребята! – воскликнула она, и все сразу угомонились, словно по мановению волшебной палочки. – Я не согласна...

– Возражения не принимаются, – пресек все протесты Фейвор. – Это дело решенное.

Рамона еще пыталась восстановить справедливость, но потерпела фиаско.

– А последнее место, третье, достанется...

– ...мне, любимому, – закончил кто-то из ковбоев, и все весело засмеялись шутке.

– Нет, хотя многие, по-моему, спят и видят меня в команде фургона, – парировал Фрэнк. – Последнее место достанется тому, кто вытянет бумажку с крестиком.

Против этого тоже возражений не последовало. Малыш нарезал ножом 25-ть бумажек, нарисовал на одной крест, свернул их и бросил в собственную шляпу. Потом перемешал все пятерней и стал обходить ребят. Каждый запускал в шляпу руку, вытягивал бумажку и тут же разворачивал ее.

Уолт, тяжело вздохнув, бросил свой листок на стол – пусто. После него пролетели еще несколько человек. Атмосфера была, как в салуне перед дракой, а еще такое испытываешь, пожалуй, сидя в клетке на диком мустанге, перед тем, как подадут сигнал, и ты вылетишь на этой пороховой бочке на арену.

– Ах ты, черт!.. – в сердцах выругался кашевар Авмерс, скомкав чистую бумажку.

Вслед за ним за бортом остались Брэт и Оуэн. За бумажкой потянулся Трент... Вытащив, он повертел ее в пальцах, а Малыш со шляпой пошел дальше. Еще пара человек попытали судьбу... И вдруг – о, Боже! – что это был за крик! Что это был за вопль! Так не горланят даже индейцы на тропе войны! Рука очередного ковбоя замерла над шляпой, а затем медленно опустилась – дальше тянуть жребий не имело смысла.

Бумажку с крестом вытащил Дрэйпер. Теперь он сидел и размахивал счастливым листком.

– Ах ты, паршивец! – ласково поглядел на него Сэм.

Трент заметил, что все внимание приковано к нему, умерил свою радость и, смущенно кашлянув, с восточным достоинством произнес:

– Извините...

И тут же, с чисто западной, приобретенной совсем недавно, непосредственностью добавил:

– ...парни.

Команда фургона была определена, и ребята стали расходиться. А завтра с утра мне предстояло съездить в город и вытащить номер, под которым стартует наш фургон.

IX

КАЗАЛОСЬ, ОЖИВЛЕНИЕ в Дженнифер-тауне стало еще больше. Народу и фургонов прибавилось.

В салуне Джо висела огромная доска, разделенная мелом на несколько колонок. В первой колонке значился номер экипажа, во второй – его владелец (обычно это было название ранчо), в третьей – шансы на победу. Почти как на скачках. Джо собственноручно заполнял таблицу и принимал пари, которых заключено было всего несколько: еще не все из подавших заявку 25 фургонов получили номера.

В «Заходи, приятель!» и без того стоял страшный гам, но он усилился, когда в салун зашел я. Здесь собрались ковбои с окрестных ранчо, трапперы, [10 - Охотники на пушного зверя, ставящие капканы (от англ. «trap» – ловушка).] старатели с той части прииска, которая принадлежала государству, шулеры (несколько из их породы в городе все же водились) и прочий люд – честный

и не слишком. Здесь как всегда играли в карты, заключали сделки по продаже земли или скота и делали еще кучу всякой всячины.

Я перешагнул порог салуна, и гам удвоился. Я даже слегка опешил от подобного приема – можно было подумать, что появился сам президент страны. Простите мне мою нескромность...

– Давай, Фокс, утри им всем носы! – орали из одного угла.

– Удачи «Лилии»! – вторили из другого.

– Дарранта на мыло! – перебивали вопли из третьего.

– Чтоб ты сгнил, умник! Пусть твои кости обглодают койоты!

– Чтоб тебе пусто было, пройдоха!

Прости их, Господи, ибо они не ведают, что творят... Я снял шляпу и торжественно поклонился как той, так и другой стороне:

– Благодарю вас, джентльмены.

В лагере сторонников мои слова были встречены смехом и аплодисментами, в лагере противников – злобным воем.

– Ну, Джо, – я облокотился на стойку, – а ты к которой стороне принадлежишь?

– Вопрос неуместен и оскорбителен, – фыркнул Ниброк и махнул рукой в сторону доски. – Я на тебя принял уже пару пари и, хотя твой номер еще неизвестен, на тебя в основном делают ставки. А на пятки тебе наступает Том.

– Том? Он опять с парой своих морганов?

– Ага, с ними самыми. Видишь, – Джо повернулся к таблице, – он пойдет под седьмым номером.

Номер нужен был и мне, поэтому я отправился к конторе шерифа тянуть жребий. Однако добраться до шляпы с номерками было совсем непросто, и мне пришлось отстоять длинную очередь прежде, чем я проник в кабинет Гарри.

– А-а... вот и ты пожаловал! – констатировал он факт, пожимая мне руку. – Ну давай, тащи счастливую бумажку.

Я опустил пятерню в шляпу, перемешал то, что она в себе содержала и, подцепив один сложенный листок, вытащил его наружу. Не спеша развернул и повернул цифрой к шерифу. Тот уже приготовился внести ее в свою собственную таблицу. Грифель карандаша опустился на бумагу, и Гарри спокойно произнес:

– Ранчо «Лилия», стартовый номер – четыре.

– Четвертый номер! – провозгласил Ниброк, вписывая мелом название ранчо в таблицу в салуне. – «Лилия»! Ну, Фокс, пока что ты уверенно держишься на месте фаворита. Потом, значит, идет Вандер, ну а за ним уже те же самые ребята, что были и в прошлом году – «Двойное К» и «Колесо повозки».

Я глянул на названия этих двух ранчо. Том, «Двойное К», «Колесо повозки» да я – вот квартет, который постоянно был в голове Гонки в течении последних трех лет. Я знал оба ранчо, они были намного меньше, чем «Лилия», однако это не мешало мне поддерживать дружеские отношения с обоими хозяевами.

– Мистер Фокс Даррант? – раздалось у меня за спиной.

Я обернулся. Передо мной стояли двое представительных ребят в дорогих костюмах и котелках, что сразу в них выдало людей с берегов Атлантического океана. У одного из них на животе блестела золотая цепочка от часов. Ой, зря, мистер, играешь с огнем...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Так традиционно в городах Дикого Запада назывались кладбища, где хоронили убитых в перестрелках стрелков. Название / Boot Hill – Сапожный Холм/ обязано своим происхождением тому обстоятельству, что похороненные здесь люди умирали, «не сняв сапог».

2

Гремучая змея.

3

Винтовка названа по имени изобретателя Оливера Ф. Винчестера.

4

Так у ковбоев принято называть некоторых очень упрямых, даже вредных лошадей.

5

Золото (исп.)

6

Игра слов: «той» («toy» – англ.) в переводе означает «игрушка».

7

Ныне эта порода носит название «американская верховая».

8

Первоначальная масть жеребенка. Взрослея, он ее меняет.

9

Порода лошадей, выведенная ковбоями. Свое название («quarter» – четверть и «horse» – лошадь) получила благодаря способности, сорвавшись с места в галоп, бежать этим аллюром, не останавливаясь, четверть мили.

10

Охотники на пушного зверя, ставящие капканы (от англ. «trap» – ловушка).

Купить: https://tellnovel.com/ru/azaroff_korney/serdce-zapada

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)